

ТАНЯ ВИНК

ТАНЯ ВИНК

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ – ОТПУСТИ

Эля была влюблена в Шуру еще со школы. Однако началась война — и судьба разделила их. Шура пропал без вести. Шли годы, девушка не могла забыть о первой любви. Казалось, что она больше никогда и никого не сможет полюбить так сильно. Встреча с Юрой изменила ее жизнь. В нем она увидела родственную душу, его теплый взгляд, полный нежности, согрел ее сердце. Наверное, вот оно, счастье — свой дом, любящий муж, сынишка Сашенька. Но внезапно в жизнь Эли врывается Шура — живой... Спустя долгих тринадцать лет. Женщина понимает, что все еще любит... Как быть дальше? Ведь не зря говорят: если любишь — отпусти. А сердце разрывается на части...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4730-7

ЕСЛИ
ЛЮБИШЬ –
ОТПУСТИ

2

Таня Винк

ЕСЛИ
ЛЮБИШЬ —
ОТПУСТИ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В48

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Переверзева*

ISBN 978-617-12-4730-7

- © Винник Т. К., 2017
- © DepositPhotos.com / xload,
обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание
на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление,
2018

Шурке, Юре и Полине

Элю разбудил звон трамвая. Она открыла глаза, вдохнула воздух, насыщенный ароматом свежей выпечки, и посмотрела на мужа — тот мирно посапывал, повернувшись к ней лицом. Юра не проснулся, но между бровями у него на мгновение залегла и тут же разгладилась складочка. Эля положила руки под голову и уставилась в потолок, когда-то, еще до войны, белый и ровный, как яичная скорлупа, а теперь рыхлый, покрытый тонкими трещинами и застарелыми буро-желтыми пятнами, проступавшими сквозь свежую побелку.

Вот и новый день настал. На улице уже дребезжали и звенели каждый на свой лад трамваи. Только что под окнами остановилась одиннадцатая марка — у нее звонок тройной, что-то среднее между карканьем вороны и мяуканьем кошки, которой дверь прищемили хвост, а перед одиннадцатой прогромыхала тройка — она звенит два раза, будто не то хрипит, не то лает недовольная старая собака, давно потерявшая голос. На будильник можно не смотреть — Эля определяла время по звукам трамваев с точностью до минуты, потому что ходили они всегда строго по расписанию. Сейчас к вокзалу со стороны площади Розы Люксембург пойдет тройка — значит, десять минут седьмого, потом, в двадцать две минуты, от вокзала на проспект Сталина — шестерка, без Райки, которая уже три дня как в роддоме. Пока работала, жаловалась, что подушка слишком большая — мол, когда сидишь, грудь подпирает, а когда надо из вагона выйти, чтобы стрелку перевести, съезжает вниз и норовит выскользнуть на дорогу, и никакие пояса и резинки не спасают, но вернуться к меньшей подушке уже нельзя. Своим на удивление переливчатым звоночком шестерка будила четыре квартала, примыкавшие к перекрестку улиц Свердлова и Дмитриевской, или Димитриевской, как говорит тетя Поля, подполковник эмгэбэ, до революции окончившая немецкий пансион, и невдомек жителям, что звонком этим Райка будила Элю: «Доброго ранку, ликарю!»

А по выходным Эля слышала этот звонок ровно в половине десятого, когда вся семья пила чай, потому что Райка жалела докторшу: «Поспить, ликарю, зайву годину».

Утренняя музыка старого города, в которой крики дворников и молочниц смешиваются с хлопаньем и скрипом дверей и приглушенным стуком колесных пар, доносящимся со стороны железнодорожного вокзала, настраивает Элю на рабочий лад, заставляя забыть о ночных мыслях, переживаниях, снах и мечтах. Мечтах несбыточных. Эля подальше прячет от всего мира самое дорогое ее сердцу и проживает насыщенный день, бывает, и ночь — работа такая. Утешает ее одно: придет минута, когда все утомится и муж уснет — он всегда засыпает, едва коснувшись головой подушки. Мама в своей комнате щелкнет выключателем и еще немного пошепчется с внуком, будто за день не наговорятся — Сашенька ходит в детский сад к бабушке; сквозь щели в дверях донесется подполковничий храп тети Поли — получив новое звание, она стала храпеть обстоятельнее, мощнее, а Эля... Эля еще долго будет смотреть в верхнюю фрамугу высокого окна на звезды, далекие дымчатые небесные дорожки, не расплывающиеся, как земные облака, а в один и тот же час появляющиеся на небосводе в своих незыблемых контурах, таких же постоянных, как ее любовь. Казалось бы, прошло столько лет, но чем дальше те дни, тем ближе они ее сердцу. Наверное, все потому, что наслоившиеся события, переживания, тысячекратное обдумывание: «А вот если бы...» — и непреходящее чувство вины за себя, слишком молодую, слишком глупую и не простившую такой малости, соткали вокруг сердца Эли защитный кокон. Чтобы оно не разорвалось. Кокон любви, которая сейчас помогала ей жить. Любви, которая могла быть, если бы...

Эля просовывает стопы между железными прутьями спинки кровати, зевает, осторожно потягивается и улыбается майскому утру, еще немного пасмурному после ночного дождя. Хочешь не хочешь, но улыбнуться надо, потому что она с детства научена: женщина в семье — солнышко. Светит солнышко — в доме хорошо, тепло, радостно. Не светит — тускнеют даже свеженькие, желтые в крошечные васильки обои. Эля снова потянулась,

посмотрела на мужа и тихонько выскользнула из-под одеяла, не скрипнув ни одной пружиной.

Шестерка подходила к остановке, когда Эля набрасывала халат, выглядывая в окно, наискосок. Еще пять секунд... Раз, два, три... На фоне желтого мокрого фасада булочной мелькнула дуга трамвая, и Эля на цыпочках вышла в мамину комнату.

Мама уже не спала — она помахала рукой и улыбнулась, а Сашенька, четырехлетний ангелочек с беленькими кудряшками, папина копия, досматривал утренний сон и тоже чему-то улыбался. Скоро они встанут и, как говорит Саша, «пойдут на работу», потому что мама — директор детского сада и у Саши там большие привилегии — он писает не в общее ведро, что стоит в коридоре в темном углу, а в баночку в кабинете директора. Он смысленный малыш, весь в отца. Когда был совсем маленький и бабушка еще не могла брать его с собой, приходила старенькая няня, бывшая учительница украинского языка. Она разговаривала с Сашей на украинском языке и на двухлетие подарила ему вышиванку собственного изготовления, а также занималась его политическим воспитанием — сядет за стол, откроет учебник истории КПСС и спрашивает:

— Дэ товариш Сталин?

Саша тычет пальчиком в портрет Сталина.

— А дэ товариш Ленин?

Саша показывает.

— От, — говорит няня, — послушать тебя — взрослый, а в штаны писаешь.

А совсем недавно Эля застала сына удрученно изучающим книжный шкаф.

— Что случилось, сынок? — с тревогой спросила она.

— Как много еще нужно прочитать... — сказал Саша, тяжело вздохнул и, горестно опустив голову, принялся катать по полу любимую машинку, у которой из четырех осталось всего два колеса.

Подполковничий храп уже не сотрясал стены — в эту пору тетя Поля делала гимнастику. Медленно наливая в стакан воду из графина, стоявшего посреди овального обеденного стола,

Эля потихоньку включилась в работу. Работа — это самая настоящая волшебная палочка: стоит о ней подумать — и все личные неурядицы забываются.

Вчера был тяжелый день — нет, тяжелые сутки. Ночью, в половине третьего, скорая привезла роженицу, и только через почти десять часов Эля из вконец обессиленного материнского чрева приняла мальчика, своими размерами поразившего выдавшую виды акушерку Аню. Пять кило шестьсот роженица вытолкнула, ослепнув на оба глаза. Только бы зрение восстановилось, а то придется перевозить ее в клинику имени Гиршмана. Зато мальчишка вырастет пылким и влюбчивым, если верить словам стареньких акушерок о том, что с тяжелыми родами передается способность любить. Наверное, акушерки правы, потому что Эля, своим появлением на свет едва не убившая маму, до сих пор не может забыть свою первую любовь. А иногда так хочется забыть, что хоть криком кричи. Потом еще были роды, еще один мальчик появился на свет. Никто уже не удивляется такому соотношению мальчиков и девочек — пять к одному, всем понятно: природа пополняет ряды мужчин, сгинувших на войне. С этим малышом, слава богу, все нормально, но Эля нервничала: роженица приехала в роддом сама, из села, истощенная, по паспорту двадцать восемь, на вид за сорок, с сединой на висках, чистенькая, гладко причесанная, с двумя внушительными темно-зелеными авоськами в натруженных, с почерневшими трещинками руках.

— Мне про вас много говорили, я у вас рожать хочу. — Она вынула из авоськи на стол две банки варенья, банку помидоров и шмат сала в льняной тряпочке, сверкающей белизной. — Вы в наше село по санавиации приезжали. Все говорят, лучше Михалны нету.

И в глаза заглядывает. Что тут скажешь, когда она уже постанывает, зубами скрипит, за низ живота хватается, за поясницу? А карты медицинской нет.

— До этого врачу показывались?

— Не-е...

— Почему?

— Да мамо никому не показывались, пока схватки не начинались, и все родились будь здоров! Бывало, и не в больнице, а дома.

— Так уж все будь здоров?

— Ну, по-разному...

Эля осмотрела роженицу.

— У вас плод ягодичный.

— Чего?..

О чем они думают? Ох, сколько их таких, игнорирующих наблюдение врачей, а потом слезы, крики... То младенец уже два дня мертвый, то, опять же, ягодичный, а ведь, если своевременно, могли бы перевернуть, — и что теперь? Вдруг щипцами тащить? Вдруг травма и инвалид на всю жизнь? Да даже под наблюдением не всегда все хорошо — на дворе пятьдесят третий год, беременеют женщины, родившиеся и зачатые во время страшного голода, чего тут ждать?..

Эля медленно, большими глотками выпивает воду, идет к кровати сына, долго смотрит на светленькие пушистые вздрагивающие ресницы, поправляет свисающий уголок одеяла и, стараясь не скрипнуть дверью, выскальзывает в длинный коридор, заставленный велосипедами, лыжами, лыжными палками, швабрами, сломанными стульями, старой мебелью и ведрами с сохнувшими на них половыми тряпками — бывшими женскими панталонами с начесом, потому что лучших по впитываемости тряпок еще не изобрели.

Глухо постукивая по деревянному полу костылем с резиновым набалдашником, в кухне стряпает Пашка. Судя по полному медному тазу пирожков, она уже часа три хозяйничает. Протез она не любила, надевала, только когда на улицу шла: «Он у меня для красоты, хоть одна нога теперь ровная». Ногу ниже колена Пашке отрезали еще до войны по ее же нерадивости: она ходила босиком по двору и занозила стопу. Занозу вынула, помочилась на рану и пошла дальше. Ночью нога заболела, но в больницу, как всегда, бежать некогда. Приложила капустный лист — мол, заживет как на собаке, и пошла тесто месить: в шесть ей на базар бежать, пирожками торговать, это ее основной доход, потому что на зарплату счетовода санитарно-

эпидемиологической станции не разгуляешься. Тем, что стопа посинела и напухла, Пашка озаботилась на четвертый день и поковыляла в поликлинику. Пока лечилась мазями да примочками, началась гангрена, и в двадцать девять лет Паша, перезрелая девица на выданье, осталась калекой. Ей дали пенсию, но от привычки торговать пирожками не отказалась: для Пашки день без базара, считай, впустую прожит, да и постоянные покупатели завелись — за ее пирожками, самыми дешевыми и вкусными в округе, студенты прибегали даже с Пушкинской улицы. Нести две корзины она уже не могла, поэтому для доставки пирожков приспособила старую детскую коляску без верха, и теперь в утреннюю музыку городских кварталов влиялся вполне мелодичный скрип этой коляски.

У распаханного настежь окна чистил картофель Петя, ее новоиспеченный муж, младший лейтенант милиции, таких же необъятных размеров, как Паша, но на полголовы ниже и, в отличие от веселой разбитной супруги, весьма застенчивый, потому в пятьдесят два он все еще младший лейтенант и работает патрульным. Эля уважала Петю не только потому, что он берет супругу и доставлял коляску на базар, не потому, что ради жены недавно перевелся из железнодорожного отделения милиции на базар, не потому, что покойный папа Эли любил пропустить с ним у ларька кружечку пива, а потому, что Петя по натуре очень сердобольный и первый вызывался приносить в роддом младенцев, брошенных в поездах и на вокзале, хотя в железнодорожном отделении милиции работало немало женщин. У Пети была семья, но, пока он воевал, жена нашла другого и уехала в Полтаву, а дочка осталась в Харькове, замуж вышла и живет недалеко, на Ярославской улице. С Пашкой у нее хорошие отношения, помогают друг другу чем могут.

Увидев Элю, Петя, тряся густым, без единой сединки, чубом, прошептал:

— Доброго ранку, Михална, — и обнажил в улыбке широкие, на редкость белые зубы, но вид у него был какой-то болезненный.

— Доброго, — Эля кивнула. — Петя, у вас что-то болит? Она внимательно смотрела на соседа.

— Нет, Михална, ничего не болит, я просто спать хочу. — Он перестал чистить картошку и доверительно прошептал: — Я, Михална, замаялся с этими складами, уже вторую ночь ээков оттуда выкуриваем.

— Вы про что?

— Да про склады старые, что возле реки, они еще в войну сгорели. Раньше там всякая шушера пряталась, ночевала. Мы их переловили, так теперь новая напасть, враги народа, теперь они там копошатся. И какого черта их выпустили, а? — Петя округлил глаза. — Я уже докладную писал, что пора разобрать — кирпич-то хороший, или отремонтировать, а никто не чешется. — Он пожал плечами и снова принялся за картошку.

— Михална, а у вас нормированный рабочий день? — тихо спросила Паша.

— Да, нормированный, — так же тихо ответила Эля.

— Что-то я этого не замечаю, — с серьезным видом прошептала Паша. — Сдается мне, что у вас, как в милиции, работа двадцать четыре часа в сутки.

— Ты права. — Эля кивнула и поставила чайник на новенькую газовую печку.

Они единственные жильцы, по утрам тихо разговаривающие в общей кухне. Остальные орали, будто здесь вокзал, а Васька-сапожник еще и матерился с раннего утра до позднего вечера. Правда, в присутствии Эли молчал. Петя несколько раз сделал ему замечание — мол, тут детей полно, но действовало это до того момента, пока Петя дома, а бывал он редко, как все милиционеры. Вася отличался первобытной осторожностью и куражился исключительно в присутствии тихих дамочек «из бывших» и соседей, не способных дать отпор. С приходом Пети в коммуналке появились не только три печки на шесть семей, но также «титан» и раковина в ванной. В туалете над унитазом поставили не новый, но вполне пригодный чугунный бачок, а то старый барахлил: мог перебрать воды и окатить ею ничего не подозревающего жильца.

Эля взяла из шкафчика спички и вышла на площадку. Там, у наглухо забитого гвоздями, пыльного, засиженного мухами, заплетенного паутиной окна, она вынула из кармана пачку

«Шахтерских» и примостилась на широком низком подоконнике. Она любила эти пять минут — ровно столько дымит папироса. В эти пять минут ничего особенного не происходит — Эля просто курит и смотрит на старинный особняк напротив, освещенный косыми лучами восходящего солнца. На втором этаже особняка, в изолированной квартире из пяти комнат живет ее учитель и главный врач родильного дома Иван Терентьевич Ветков, там же он ведет частный прием. Под ним, в бывшей квартире профессора музыки, а теперь такой же загаженной, как у Эли, коммуналке, в комнате с окном почти во всю стену живет одинокая дочка покойного профессора, преподаватель консерватории и близкая подруга тети Поли. Подруга эта долгие годы жалела о рояле, конфискованном большевиками в пользу театра. Чтобы вынести рояль, большевики не разобрали окно, а выломали, а дело было зимой. Ну ничего, столяр все наладил. В сорок шестом Иван Терентьевич привез ей из Вены белый концертный рояль, и, чтобы внести внутрь, окно аккуратно разобрали и так же аккуратно собрали. Еще Иван Терентьевич привез оборудование для родильного зала, смотровой, палат, санузлов и подарки. Эля тоже юбка перепала. Еще мебель привез, картины — в общем, дядя Ваня использовал транспортные возможности эвакогоспиталя на сто процентов. Если по вечерам до ушей Эли доносятся фортепианные пассажи, то по утрам она слушает гомон едва проснувшейся родной улицы и все еще очумелого, судя по сонным голосам и гремящим мискам и ножам, родного дома. Вдыхает запахи, в которых угадывается не весьма приятный — до вокзала рукой подать, а туалет там в таком состоянии, что заходить надо в резиновых сапогах и с прищепкой на носу. Одна из уборщиц туалета живет в их доме, и не было дня, чтобы она не выливала ушат помоев на голову своей напарнице, обвиняя ее во всех тяжких грехах, вплоть до того, что та не убирает, потому что на «эту прыщавую уродину положил глаз сам начальник вокзала». Юра назвал это «интриги в сортире», чем, на удивление, мгновенно заслужил уважение уборщицы: «Ах, Юрий Григорьевич, вы такой интеллигентный человек...» — при нем она старалась выражаться как можно красивее.

С папиросой время пролетает незаметно, но за эти пять минут в душе Эли что-то происходит — она приводит себя в порядок, отмахивает ночную печаль, выпрямляет спину и собирается. Раздавив по-мужски окурок в жестянке «Chatka» из-под крабов, к чайнику возвращается уже не Эля, а член партии с тысяча девятьсот сорок девятого года, акушер-гинеколог железнодорожного роддома Элла Михайловна Есина — она оставила в браке девичью фамилию, — быстро пьет чай, потому что завтракать она будет в роддоме, быстро одевается и, помахав маме рукой, убегает. До роддома близко, всего-то пять минут, но она бежит, в который раз упрекая себя в том, что работа для нее важнее семьи. Но ничего поделаться с этим не может, чем вызывает раздражение соседок, отягощенных домашним хозяйством.

— Получается, что ваша Михална только и умеет, что чай заварить, да и то себе, — не раз ехидничала Пашка.

— Ей надо руки беречь, — отвечала Софа Есина.

— Что, и стирать нельзя? — Глаза у Пашки лезут на лоб.

— Ни стирать, ни убирать, — терпеливо отвечает мама.

— Тогда скажите на милость, зачем Юра вашу дочку замуж взял?

На этот дурацкий вопрос Софа не отвечала, и разговор закончился, чтобы когда-нибудь возобновиться.

Юра проснулся оттого, что кто-то забрался на кровать, кто-то маленький и тепленький, но глаза не открыл. Юра ждал, пока мордашка сына не окажется совсем рядом, ждал, когда теплая волна ни с чем не сравнимого детского дыхания коснется его небритых щек, и тогда...

— Ах ты, маленький проказник! — Юра распахнул глаза, обхватил сына руками и прижал к себе.

Вырываясь, Сашенька залился счастливым звонким смехом:

— Папа, пусти! Ха-ха-ха!

— А где «доброе утро»? — Юра легонько пощекотал сына под мышками.

— Папа, пусти... Доброе утро... Ха-ха-ха...

— А где главное слово?

— Папулечка, любименький, отпусти меня, пожалуйста ...

И снова смех, поцелуи и объятия двух мужчин, маленького и большого, так похожих друг на друга, что Эля иногда сетовала:

— Я носила, рожала, мучилась, а моего-то ничего и нет.

— Как нет? — удивлялся Юра. — У него твоя душа.

Да, у него Элина душа. Юра на всю жизнь запомнил мгновение, когда впервые увидел Элю в белом халате, улыбочивую и вместе с тем строгую, сосредоточенную, — она проводывала его соседа по палате. Эля не была красавицей, но в ней было столько нежности и широты души, что он позабыл об осточертевшей боли в пояснице, от которой хотелось стонать и скрипеть зубами, о том, что рука с иглой в вене давно занемела, а думал только о том, что он не причесан и почти неделю не брит. Она посмотрела на него, не мельком, а внимательно, улыбнулась, и его сердце затрепетало, как трепещет крошечными крыльшками цыпленок, только что выбравшийся из скорлупы на яркий солнечный свет. И вот сейчас такой же нежный цыпленок бьется в его руках, хохочет, хватая ладошками за уши, целует небритые щеки и кричит: «Папулечка!» Что еще нужно для счастья? Что во вселенной может быть важнее этого?

ГЛАВА 1

После планерки Эля забежала в столовую для персонала больницы, быстро позавтракала, во дворе покурила и пошла во флигель, построенный еще Терентием Ивановичем, отцом Ивана Терентьевича, для молодых врачей-практикантов, прибывших из пригорода или из других губерний. Терентий Иванович считал, что врач должен полностью отдавать себя работе, особенно если он акушер-гинеколог. Женщины, знаете ли, рожают не с восьми тридцати до пяти, а в другое время тоже, говорил он, и врач, выдержавший довольно жесткую муштру, в дальнейшем имел весьма успешную практику. А не выдержавший мог писать жалобу сам на себя, потому что поток пациенток к нему потихоньку иссякал. В смутные двадцатые годы и до войны с фашистами во

флигеле был склад, а одну комнату занимала медсестра, потому что ее сын, алкоголик и революционер, женился, а маму выставил на улицу. После войны флигель служил аптекарским складом, который не раз грабили, и уже Иван Терентьевич — Терентий Иванович к тому времени умер — перевел аптеку на второй этаж роддома, а во флигеле обосновалась одинокая медсестра Аня.

Несколько раз в год к Ане подсылали особенных пациенток — и такой особенной пациенткой была Райка. Как было велено Иваном Терентьевичем, за четыре недели до «родов» Рая пришла с вещами во флигель, отгороженный от двора роддома невысоким заборчиком. За этим заборчиком она выгуливала «живот» в одно время с другими пациентками, но те к ней не приставали — да мало ли чего баба лежит отдельно? Если любопытствовали, ответ один: Анина родственница. Таких «родственниц» у Ани за год бывало штук пять, они не были беременны, но из роддома выходили с детьми. Знали об этом Иван Терентьевич, Эля, Аня и еще одна опытная женщина-педиатр, которая работала в их роддоме на полставки и во втором на ставке, а также консультировала по всей области. Врач эта была легендой — видела то, что другие не видели. Она спасала безнадежных недоношенных, составляла методические рекомендации по их выхаживанию и вскармливанию, писала статьи, выступала на конференциях. И, что было непостижимо, видела признаки церебрального паралича в течение первых месяцев жизни младенца, а вылечить эту болезнь можно было только до седьмого месяца, — таким образом врач спасла от пожизненной инвалидности сотни детей. Врач эта и Иван Терентьевич дружили с давних пор и доверяли друг другу, потому отказных и просто брошенных младенцев — частенько мамы убежали из роддома через окно в туалете — Иван Терентьевич показывал только ей. Она же, в свою очередь, присылала еще одного педиатра, свою ученицу, тоже опытную — а вдруг она чего не заметила, стара уже... Ученице этой ничего не говорили, она просто осматривала новорожденного и делала выводы. Вот так Иван Терентьевич помогал обзавестись детьми не одной паре, обреченной на одинокую старость, и это делало его безмерно счастливым.

Он потом не один день летал по роддому, будто на крыльях, и иногда Эле казалось, что Иван Терентьевич вовсе не умудренный опытом врач, а мальчишка-шалун, радующийся игрушке, о которой давно мечтал.

Делали это так: потенциальная мама закрепляла на животе сначала крошечную подушечку, потом побольше, и так до семи-восьмимесячного размера подушки, то бишь беременности. Потом у мамы якобы определяли опасность ранних родов и госпитализировали. За два месяца, а то и меньше, в роддоме непременно появлялся ничейный малыш. Во-первых, рядом вокзал, и многие беременные женщины специально уезжали подальше от дома накануне родов, сами являлись в роддом — мол, вот она я, уже воды отходят. Или рожали прямо в вагоне, потом их везли в роддом, а уж из его стен они бесследно исчезали. Об Иване Терентьевиче, да и обо всем персонале шла добрая слава — значит, сироту они обязательно пристроят. Вот и пристраивали, но предварительно осматривали, потому что среди мамаш были не только алкоголички, но и психически нездоровые. Это не был доход — Иван Терентьевич этим жил и денег за это не брал, хоть ему и давали. Хотите помочь — пожалуйста, купите что угодно, от операционного стола и кувеза¹ до кастрюль и пеленок, ремонт помогите сделать — вон, крыша протекает, унитаза пора менять, двери плохо закрываются, окна треснули. Но большинство бездетных пар от благодарности просто падали в ноги врачу в буквальном смысле этого слова, потому что ничем больше отблагодарить не могли. Ну, еще мешком картошки, яблоками, овощами, курочкой, свиной.

Вот из таких была Райка, добрая душа, появившаяся на свет на хуторе в двадцать пять дворов, где за огородами текла речка, гуси плескались в ставке, а в центре был Хрещатик. Не улица, а перекресток, на котором влюбленные назначали свидание. Здесь повстречала Рая будущего любимого мужа — он к другу

¹ Кувез (от фр. *couveruse* «наседка», «инкубатор») — приспособление, в котором поддерживаются оптимальная температура и кислородный режим; в него помещают недоношенного или заболевшего новорожденного.

по детскому дому приехал погостить и прикипел к Рае, одарив преданностью и любовью, не растроченной за всю его тридцатичетырехлетнюю жизнь. Раечка полюбила сироту всем сердцем, а ее мамо, тато, дидусь и бабуся души в нем не чаяли и слова не сказали, когда влюбленные решили расписаться на пятый день знакомства. А чего тянуть? Райке тридцать, хватит в девках сидеть. Вот она замуж и вышла, но забеременеть не смогла. Жили вместе год, пять лет — любовь не угасала, нежность и внимание друг к другу росли, деток хотелось... Как-то приехала Райка в Харьков на базар и на обратном пути, ожидая автобуса, услышала, как две бабы разговаривают о хорошем докторе, Иване Терентьевиче, работающем в роддоме напротив пожарки, — мол, бесплодие лечит.

Вернувшись, поплакала Райка в очередной раз на плече мужа, и решили они вдвоем ехать к доктору. До города агроном подбросила, она как раз на совещание ехала. Иван Терентьевич принял Райку, назначил обследование для обоих. Обследовались, получили результаты — здоровы оба. Что ж такое? Прописал лекарства, начертил график благоприятных для соития дней. Полгода прошло, год — результат нулевой. Снова анализы, и снова оба здоровы.

— То Бог на нас прогневался, — хлюпает Райка носом.

Муж держится, только моргает часто и смахивает рукой предательские одинокие слезинки.

— Доктор, уважаемый, — Райка давится слезами, — а может, еще какие таблетки пропишете?

— Таких таблеток не бывает... — говорит Иван Терентьевич. — Можно усыновить новорожденного.

— Усыновить? — Рая замолкает и во все глаза смотрит на мужа.

— Вы сначала обсудите это предложение, — говорит Иван Терентьевич, видя обычную для такой ситуации растерянность.

— Раечка, ну?..

И они все решают быстро, только им понятными взглядами. Они устали, они хотят определенности.

— Не будем мы ничего обсуждать, — произносит супруг через минуту, — мы готовы...

— Мальчика усыновить, — продолжает Райка, и глаза супругов вспыхивают радостью.

Иван Терентьевич пояснил, как все должно быть, и они согласились.

— Мы переедем на это время в Харьков, да, Раечка? — Муж улыбается. — Чтоб на хуторе никто не знал.

— Ага. — Она берет его за руку, и ее лицо заливает краска.

— Я читал объявление, что на тракторный рабочие нужны и семейное общежитие дают. И водители трамваев нужны. Ты не против?

— Нет...

— Рая у нас такая умная, быстро научится, — говорит муж Ивану Терентьевичу.

Все сложилось, и через четыре месяца, когда Рая вышла на свою первую самостоятельную смену, пошел отсчет «беременности» ...

Муж приезжал к Райке каждый день, вечером или утром, в зависимости от смены. Привозил книжки, журналы и еду сумками, сидел долго, пока Аня не начинала сердиться — мол, дай человеку отдохнуть, ты ей уже надоел, да и не проводывают так долго и часто. Муж Раечки виновато втягивал голову в плечи — выросший в детском доме, он не мог перечесть человеку в белом халате, целовал супругу, бочком топал к двери, пожирая глазами любимую, с минуту топтался на пороге и уходил.

— Такое впечатление, что Райка и вправду беременная! — сердилась Аня, хлопая руками по крутым бедрам.

Настроение ее было понятно, потому что жила Аня одна и ни семейного, ни материнского счастья не знала. К мужьям подруг и коллег она относилась сдержанно, а вот к мужу Эллы Михайловны с подозрением — по ее представлениям, муж не должен быть таким красивым, потому что красивые мужья всегда ходят «налево».

Юра «налево» не ходил, но о том, что приятели и коллеги ходят, знал, потому что рассказать в тесном кругу о страстном

свидании считалось очень даже по-мужски. Но Юра так не считал. Во-первых, уж коль женат и гуляешь, то молчи — соблюди приличия и не унижай ни жену при посторонних, ни себя. Если влюбился, то не трепи языком, не унижай любовь. А во-вторых, он вообще не понимал, как можно сделать больно жене — женщине, которая отдала тебе всю себя и свою жизнь? Нет, он никогда не причинит боль Эле. Не только потому, что знает, каково это, когда предают, но и потому, что никогда не обидит любовь, чувство удивительное и невероятно зыбкое. С каждым днем он все сильнее влюблялся в Элю и не представлял себе жизни без нее. Почему так? Ответа не было, да его и не может быть. Ответ кроется в желании каждый день просыпаться рядом с Элей, держать за руку, целовать, шептать слова любви, пить чай, грызть яблоки, ходить в кино, смотреть, как она причесывается у зеркала, вдыхать ее неповторимый запах, видеть в ней тайну и знать, что никогда ее не разгадаешь...

А для Эли... Достаточно обнять Юрку, прижаться к теплой груди, уткнуться носом в ложбинку на ключице, и она чувствовала себя защищенной. А какого сына он ей подарил! Маленькое солнышко с его глазами — голубыми, пытливыми, смеющимися. А всякие там мысли... Ох, у какой женщины их нет?

С Юркой они познакомились, когда Эля по просьбе тети Поли провела в нефрологическом отделении ее коллегу, майора эмгэбэ. Не просто провела, а поговорила с лечащим врачом и заведующим, чем помочь, потому что коллегу готовили к операции по удалению почки. Юра лежал на соседней койке, ему как раз капельницу ставили. Бледный, худой, небритый, он то смотрел на нее испуганно и как-то по-детски, то проводил свободной рукой по волосам, то поправлял пижамную сорочку, то разглаживал складки на одеяле. Эля на него почти не смотрела — она разговаривала с майором, с замиранием сердца прислушиваясь к происходящему в ней. Однако о том, что творилось в душе, знала только она сама. Врач же Элла Михайловна, воплощение серьезности, в белом халате, колпаке, из-под которого едва выглядывали короткие вьющиеся волосы (она постриглась еще в эвакуации, во Фрунзе: вши

одолевали, а после этого уже и не отращивала), внимательно слушала жалобы больного, ловя себя на мысли: «Какие у него голубые глаза ...»

Уходя, Эля попрощалась со всеми, а голубоглазому кивнула. Кивнула и отвела взгляд, а через две недели, провожая из роддома очередную мамочку, увидела в вестибюле невысокого стройного мужчину в темно-сером элегантном макинтоше и широкополой шляпе — ну прямо американский актер из трофейного фильма, к тому же с огромным букетом роз.

«Наверное, забирать кого-то пришел», — подумала Эля: она не узнала в «актере» голубоглазого и продолжала наставлять мамашу.

Аня пеленает младенца, он уже превращен в белый кокон, перевязанный красными ленточками, мамаша с умилением смотрит на Элю и дрожащим от волнения голосом спрашивает:

— А мой муж может взять ее на руки?

— Конечно, он уже не только муж, он отец, — Эля улыбается, — отец должен брать дочь на руки каждый день, это очень важно и для него, и для нее. Отец должен разговаривать с ней, должен читать сказки, петь песенки, рассказывать о том, как прошел день.

— А не рано?

— Нет, не рано, — отвечает Эля и не добавляет, дабы не огорчить, что все это надо было делать, когда малышка еще в утробе была.

Потом Юра не раз вспоминал, что именно тогда она его окончательно очаровала. Очаровала тем, как нежно произнесла «отец»; очаровали ее глаза, улыбка, вся она его очаровала, и он пал к ее ногам.

— Добрый день, вы меня помните?

Сердце Эли екнуло — глаза! Она их помнит...

— О, я вас не узнала, решила, это кто-то ребенка пришел забирать, — тараторила Эля, чтобы скрыть смущение.

— Меня зовут Юра. Это вам, — он протянул ей букет.

— Мне? — удивилась Эля, краснея. — Ну что вы... Зачем? — Она быстро осмотрелась.

Аня и еще две медсестры пялились на нее с нескрываемым любопытством и не отвели глаз, даже когда она выразительно нахмурилась.

— За то, что вы меня сразили наповал. Простите, я не мастер красиво говорить. — Он умолк, и лицо его залила краска.

Изумленная до крайности, с бешено бьющимся сердцем, Эля взяла букет и почувствовала щемящую боль — надо же, он смутился, как подросток.

— Какие прекрасные цветы, — она понюхала розы, — спасибо. — Она улыбнулась. — Значит, я вас сразила?

Он кивнул:

— Наповал.

— Что я должна сделать, чтобы вы встали?

— Позвольте проводить вас домой.

— Я не знаю, когда освобожусь.

— Не важно, я готов ждать.

Эля прищурилась:

— Послушайте, мне знакомо ваше лицо... Я вас видела... — Она прижала пальцы к губам. — Да, я вас видела... На ипподроме. Еще до войны.

Он улыбнулся:

— Да, я бывал на ипподроме.

— Вы помните Герду?

— Конечно помню, красивая была лошадка, лучше я в жизни не видел. — Он посерьезнел. — Ее давно нет, пришлось застрелить в начале войны.

— Почему? Она же была совсем молодая, родилась в тридцать восьмом, я хорошо помню.

— Она заболела, стала хромать. В это время всех лошадей отправляли на фронт, вот такая история. — Юра развел руками.

— Жаль... Моя подружка ее очень любила, назвала Гердой.

— Зося? Зося ваша подружка? Надо же! Мы с ней много о лошадях говорили, она хорошо в них разбиралась. — Юра мотнула головой. — Хорошая была девчонка. — Он тяжело вздохнул и поднял глаза на Элю. — Так мы встретимся?

— Конечно встретимся.

Она освободилась в начале шестого — слава богу, задерживаться не нужно было. В первый же вечер Юра рассказал, что дважды был ранен. Но вообще-то он здоров и хорошо себя чувствует. Этим откровенным признанием он совершенно покорила Элю. Встречи участились, дошло до объятий и поцелуев. Не видя Юры, она старалась не скучать и допускала, что он больше не придет — она ведь совсем не красавица, а он... Он, безусловно, нравится женщинам. Но он приходил. Спустя месяц она сильно скучала, и ей было больно от мысли, что он может больше не прийти, но он приходил. Вскоре Эля сделала открытие — ей так хорошо с ним, так тепло, уютно, как с давним близким другом, и она не хочет, как Аня, каждое утро просыпаться потому, что нужно идти на работу, и каждый вечер ложиться в холодную постель. Она хочет семью, хочет жить с мужчиной, спать с ним, чувствовать себя счастливой и любимой. Она хочет стать мамой. Для скольких деток ее руки стали первыми на земле? Сколько розовых, красивых и некрасивых, плачущих и молчаливых, здоровых и покалеченных младенцев они держали, и каждый раз ее сердце заходило в неистовой радости от этой незабываемой встречи, которую иначе как волшебством не назовешь. Первое касание, первое движение крошечного человечка, первый крик — и все это подарено ей. Судьба не имеет права ее обижать, не должна над ней глумиться — хватит одного раза. Судьба просто обязана подарить ей сына, да, именно сына. И это произошло.

Тогда, в первые дни любви, Эля заливисто смеялась, цокая каблучками по тротуару, а Юра шел рядом, размахивал руками и нес веселую чепуху, от которой ее сердце таяло, таяло... И растаяло на третьем месяце встреч. Она с наслаждением ласкала его израненное тело, целовала шрамы, содрогаясь от того, как больно ему было, и все сильнее погружаясь в любовь, нежную, безгранично светлую, — она жаждала тишины, покоя, неспешной беседы, утреннего горячего чая, пышно взбитой подушки, теплой комнаты и уюта. Это была совсем другая любовь, не похожая на ту, первую, и это было понятно — ей не шестнадцать, любовь в ее сердце — это уже не комок нервов,

сжимающийся при малейшем слове, вздохе, взгляде. Теперь ее любовь — словно новорожденное дитя, которое увидело свет и которому все равно, кто и как примет его в этом мире, потому что Эля верит Юрке. Верит интуитивно — так мы, не отдавая себе отчета, выбираем из толпы одного-единственного человека и спрашиваем, который час или как добраться до ближайшей трамвайной остановки, в то время как из ближнего круга, из тех, кого знаем, мы заранее определяем, кому можно доверять, а кому — нет, не по словам, а по глазам, выражению лица, тембру голоса, жестам, осанке, походке. По тому, что нельзя подделать. Если бы можно было сравнить с чем-то еще эту любовь, то Эля сравнила бы с теплой морской водой, на поверхности которой она лежит, закрыв глаза и доверчиво раскинув руки, — она не тонет, потому что расслабилась. Но однажды, проснувшись на плече Юры в серых сумерках раннего утра, она вдруг поняла и тут же испугалась — она все еще любит Шуру...

* * *

Рая лежала на кровати, укрывшись одеялом до подбородка и согнув ноги в коленях — так большой живот выглядел более естественным. Рядом сидела женщина. Не переставая говорить, женщина повернула голову и оборвала себя на полуслове.

— Элла Михайловна, доброе утро. — Райка оторвала голову от подушки. — Познакомьтесь, это наш агроном, Нина Сергеевна, в гости приехала.

— Доброе... утро, — ответила Эля, глядя во все глаза на Нину Сергеевну.

Нина Сергеевна... Мягкие, плавные черты когда-то симпатичного, улыбчивого, немного упрямого лунообразного лица заострились и огрубели, в коренастой фигуре проявилась мощь сельской женщины, привыкшей к тяжелому труду. Значит, она реализовала мечту — уехала поднимать село. Когда-то розовая кожа обветрилась, между почти сросшихся бровей пролегли две глубокие вертикальные складки, и от этого ее взгляд казался суровым, недоверчивым, холодным. Эле стало крайне неудобно, будто не Нина, а она много лет назад все разрушила.

— Теть Нин, ну чего вы? Познакомьтесь. Помните, я говорила вам про Эллу Михайловну? Она будет у меня роды принимать.

Нина сидела, широко, по-мужски расставив ноги и уперев руки в бока. Глядя в пол, она с шумом втянула воздух и подняла голову.

— Мы, знаешь ли, знакомы. — Она быстрым движением откинула прядь волос, упавшую на лоб, и с вызовом посмотрела на Элю. — Ну здравствуй, Элла Михайловна.

— Здравствуй, Нина... Сергеевна. — В горле пересохло, и Эля кашлянула.

«Здравствуй...» Когда они здоровались последний раз? Тридцать первого декабря сорокового года? А после этого, совсем недолго, до эвакуации, Эля спешно перебежала на другую сторону улицы, увидев коренастую фигуру подруги. Бывшей подруги.

Нина растянула губы в улыбке и почесала затылок. Она еще девочкой к месту и не к месту энергично чесала затылок. Тогда, очень давно, глядя на нее, Эля думала, что, если бы на голове Нины была кепка, она сдвинула бы ее на лоб, как это делал щуплый низкорослый парнишка — шкет из «есинского» двора, отличавшийся жестким взглядом. Его взгляда боялись все пацаны в округе. Шкет этот ни на кого не кричал — чуть зыркнет, чуть повысит голос, и все. Учился через пень-колоду и в основном промышлял на вокзале — тащил все, что плохо лежит. Не у граждан, а из товарных вагонов. Один раз попался, и Поля его выручила — с того дня шкет уважительно называл ее Полина Пална, к Соне обращался по-свойски — «тетя Сонь» — и помогал поднести сумки с базара, за что получал неизменные двадцать копеек, мялся, бубнил: «Не надо...» — потом улыбался, обнажая почерневшие зубы, брал монетку и со словами: «Для вас всегда» — ретировался задом и в полупоклоне. Шкет погиб в первые дни оккупации — немцы согнали людей из окрестных домов на разгрузку вагонов с провизией, а он решил заныкать несколько банок тушенки, для чего прикопал их тут же, в горке щебня, когда отлить ходил. Пришел за банками ночью — там его и застрелили. Эля узнала об этом, когда вернулась из Фрунзе, и долго плакала. При всем вызывающе наглom поведении у шкета была добрая душа, чем он сильно отличался от Нинки. Хотя...

Что могла Эля знать о ее душе? Ведь они расстались, когда им всем едва исполнилось семнадцать...

Райка смотрела на женщин с нескрываемым любопытством, а Нина с Элей с преувеличенным вниманием глазели по сторонам. Первой пришла в себя Эля:

— Раечка, как самочувствие? Спину не тянет?

Рая хлопает глазами:

— Вчера тянуло немного, а с утра ничего...

Эля смотрит на часы:

— Хорошо, я не буду мешать, зайду через полчаса.

— Хорошо, Элла Михайловна.

Эля шагнула к двери.

— До свиданья, — сказала она, толкнув дверь, и услышала: — Ты знаешь, что Шура погиб?

Элю будто по затылку чем-то тяжелым стукнули, и она быстро повернулась к Нине.

— Знаю... — просипела она, не узнавая собственного голоса.

— Он служил на границе с Литвой — вся застава полегла в первые часы войны, — с надрывом произнесла Нина. — В первые часы... — Она опустила подбородок на грудь.

Сердце зашлось.

— Нина, это очень тяжело, не нужно... — Эля хватала ртом воздух. — Не нужно.

— Шурка тебя любил... — Нина снова подняла голову, по ее щекам катились слезы. — Господи, сколько всего было, а я помню, будто вчера, — ее голос дрожал, — будто вчера он ждал тебя, все шею тянул, выглядывал... — Она провела ладонью по одной щеке, по другой, тяжело вздохнула. — Я думала, кричать на тебя буду, ненавижать... — Ее лицо искривилось от боли. — Нет... Все прошло...

Нина сунула руку за пазуху и медленным, тяжелым движением вынула оттуда серый измятый треугольный конверт.

— Это письмо от Шурки... тебе... — Она смотрела в пол. — В нем твое имя написано одиннадцать раз... На одном клочке, на одном маленьком клочке бумаги. — Ее щеки снова стали мокрыми. — Бери.

Эля не могла пошевелиться. Повисла гнетущая тишина. Первой ее нарушила Рая:

— Тетя Нина, отдайте доктору письмо.

Нина кивнула и поднялась.

— Бери. — Она подошла к Эле. — Если б Шурка не просил, я бы в жизни тебе его не отдала.

Эля не мигая смотрела на конверт.

— Бери...

Не дожидаясь, Нина сунула конверт в карман халата Эли. Эля посмотрела на карман, коснулась пальцами:

— Рая, я... я зайду позже.

— Хорошо, Элла Михайловна, — деревянным голосом промолвила Райка.

Эля вышла из флигеля, плотно прикрыв за собой дверь.

— А кто такой Шура? — спросила Рая через минуту.

— Ее первая любовь. — Нина опустила голову, снова вскинула и улыбнулась, глядя в окно. — Ну, расскажи, как ты себя чувствуешь?

С минуту Райка переваривала услышанное, а потом с воодушевлением принялась рассказывать, как она себя чувствует — агроном не рожала, ей всякое можно напелсти.

* * *

Эля прочла письмо. Она читала его долго. Из-за слез. Они лились непрерывным потоком, а сердце так прихватило, что впопыхам лечь и не шевелиться. И еще запах этого письма... Оно не могло сквозь годы донести до нее запах Шуры, никак не могло, но Эля чувствовала его вопреки здравому смыслу. Душа ныла от прочитанных слов, выведенных таким знакомым почерком, и оттого, что этот клочок бумаги держали руки, которые она так любила... Ах, если бы Шурка сейчас появился! Она прижала конверт к груди: «Шурка, родной мой, если б я знала... Если б я выслушала тебя...» Спазм сдавил горло, тело содрогнулось, и Эля, глотая слезы и сдерживая рыдания, тяжело опустилась на скамейку. «Шурка, прости меня! Господи, за что?!» Ее бил озноб. Так бывало уже не раз, но сейчас все было по-

Літературно-художнє видання

ВІНК Таня
Якщо кохаєш — відпусти

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *І. Г. Веремій*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 31.01.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 6000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ВІНК Таня
Если любишь — отпусти

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *И. Г. Веремей*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 31.01.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Арно». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 6000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Еля была закохана в Шуру еще зі школи. Однак почалася війна — і доля розділила їх. Шура зник безвісти. Минали роки, дівчина не могла забути про перше кохання. Здавалося, що вона більше ніколи й нікого не зможе полюбити так сильно. Зустріч із Юрою змінила її життя. Напевно, ось воно, щастя — свій будинок, відданий чоловік, синочок Сашенька. Але раптово в життя Елі вривається Шура — живий... Після довгих тринадцяти років. Жінка розуміє, що все ще кохає... Як бути далі? Адже недарма кажуть: якщо кохаєш — відпусти. А серце крається...

Винк Т.

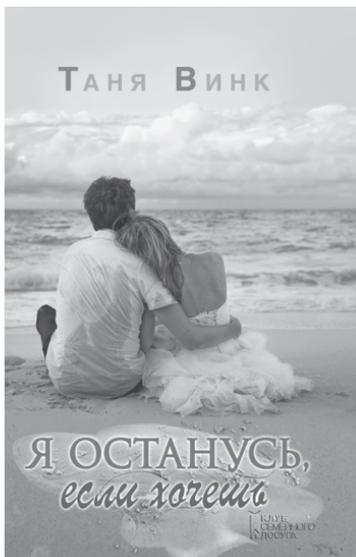
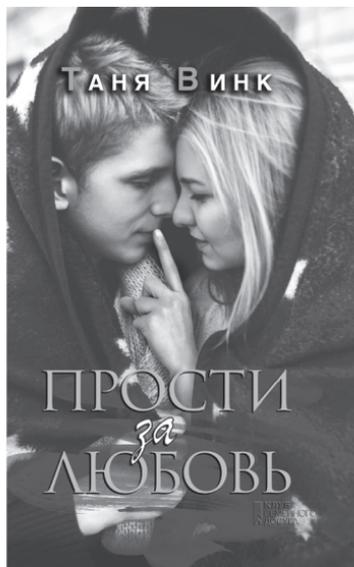
В48 Если любишь — отпусти : роман / Таня Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 256 с.

ISBN 978-617-12-4730-7

Еля была влюблена в Шуру еще со школы. Однако началась война — и судьба разделила их. Шура пропал без вести. Шли годы, девушка не могла забыть о первой любви. Казалось, что она больше никогда и никого не сможет полюбить так сильно. Встреча с Юрой изменила ее жизнь. Наверное, вот оно, счастье — свой дом, любящий муж, сынишка Сашенька. Но внезапно в жизнь Эли врывается Шура — живой... Спустя долгих тринадцать лет. Женщина понимает, что все еще любит... Как быть дальше? Ведь не зря говорят: если любишь — отпусти. А сердце разрывается на части...

УДК 821.161.1(477)

Накануне свадьбы с Леной сама судьба привела Дмитрия на берег моря, где в санаторном парке он впервые встретил ее — Настеньку, Настю, Анастасию... Нежную, как лепестки роз, неповторимую, как морской рассвет... Их любовь будет длиться всего четыре дня, за которые они проживут целую жизнь. Дима готов ради Насти бросить все на свете. Словно почувствовав это, Лена прилетит, чтобы сообщить ему о беременности. И Настя уйдет навсегда: она выросла в детском доме, и ей не нужно счастье ценой слез ребенка... Почти тридцать лет рядом с Леной Дима будет вспоминать взгляд любимой, чтобы однажды девушка с такими же глазами чуть не попала под колеса его машины... Неужели судьба решила подарить ему второй шанс?..

Надя и Борис встречаются почти два года. Он женат, у него есть дети, престижная работа, перспектива собственного бизнеса... Борис говорит, что не может сейчас бросить семью, а Надя, не избалованная хорошим отношением и нежностью, приучила себя ждать и полностью доверилась ему... Но любимый обманул. Тогда она явилась в ресторан, где Борис с женой праздновал годовщину свадьбы, и устроила там скандал... Все ее мечты о совместной жизни с Борисом разрушены. Он оказался предателем и негодяем, а Надя чувствует себя несчастной и опустошенной. Но женщина не знает, что уже долгие годы ее ищет любовь, которую она когда-то пустила...